

ПОСЛЕ ГАСТРОЛЕЙ

ПРЯМОЙ вагон Париж—Москва глубокой ночью прибыл с запада на советскую границу — в Брест. Накинув пальто, Святослав Теофилович Рихтер вместе со своим спутником — директором Московской филармонии Митрофаном Кузьмичом Белоцерковским вышел прогуляться на перрон. Наконец, родная земля...

Три с лишним месяца назад, 3 октября 1960 года, Рихтер выехал из Москвы в свое первое концертное турне по городам Соединенных Штатов Америки и Канады. Конечно, и до этого он расставался не раз с Родиной, концертируя в Китае и Финляндии, Чехословакии и Венгрии... Но еще никогда разлука не длилась так долго.

— У нас снег... Маловато, но все же есть. Только в Канаде мы видели зиму, — сказал он, выйдя из вагона.

Рихтер сразу предупредил меня, что никаких интервью он давать не умеет и не будет. И, действительно, за три месяца пребывания на американском континенте он лишь однажды встретился с журналистом.

— Мы просто поговорим... Хорошо? — предложил пианист, и я, разумеется, согласился, выполняя задание редакции, которая специально командировала меня на встречу Святославу Рихтеру.

Поезд мчится в Москву. Снега все больше и больше. Глядя в окно, Рихтер радуется этому.

— Вы спрашиваете о моих американских впечатлениях... Они пестры, но интересны. В целом это хорошие впечатления. Я впервые гастролитировал в США и Канаде, и признаться, сначала меня несколько вывело из равновесия то обстоятельство, что я очутился в другом полушарии. Путешествия — моя страсть. Но к таким дальним переездам и плаваниям я не привык.

— Из Москвы мы прибыли в Париж, оттуда — в Шербур, — поясняет Митрофан Кузьмич Белоцерковский. — Только было поднялись на борт «Куин Мери», только вышли в океан, как наш милый собеседник — сразу за рояль. Играет час, два, три, четыре... Я ему говорю: «довольно играть», — не слушает. Что будешь делать? Потом, когда мы прибыли в Нью-Йорк, у Рихтера целую неделю стены и потолок в глазах качались...

— Митрофан Кузьмич, конечно, несколько преувеличивает, — улыбаясь, говорит Рихтер. — Не такой уж я безумный труженик, как об этом порой говорят и пишут. Нет, я люблю полениться... Право, я могу бездельничать и месяц, и больше. Но соблазняет какое-либо сочинение, начинаешь работать и делаешь это с удовольствием...

— Как же складывался ваш американский день?

— Довольно напряженно, потому что напряженной была программа выступлений. Тридцать концертов за два с половиной месяца — двадцать семь в США и три в Канаде. Много времени у нас заняло передвижение в поездах. Митрофан Кузьмич как-то подсчитал, что по американской земле мы наездили 22 тысячи километров. Мы едва-едва успевали после концерта на поезд, с поезда — на репетицию... Концерты состоялись в Нью-Йорке, Чикаго, Филадельфии, Бостоне, Лос-Анжелосе, Сан-Франциско, Фениксе, Детройте, Вашингтоне, Балтиморе и в других городах США, а также в Торонто и Монреале. К слову сказать, некоторые поезда нам особенно понравились. Например, поезд «Санта-фе», идущий в Лос-Анжелос. В его составе — двухэтажный вагон со стеклянным удобным для обозрения куполом.

— Следовательно, турне было напряженным?

— Напряженным и вместе с тем отлично организованным, — сказал Рихтер. — В этом прежде всего заслуга нашего друга, известного американского антрепренера мистера Сола Юрока, который сделал все возможное и необходимое. Кстати говоря, сейчас в Штатах концертирует мой коллега — Дмитрий Башкиров, а весной туда снова отправится на гастроль ансамбль Моисеева. Я убежден, что и они встретят то искреннее радушие, которое было оказано мне. В этом находят свое выражение самые сердечные чувства дружбы американского народа к нашей стране и ее культуре.

— Что входило в программу ваших концертов?

— Главным образом я играл Бетховена и Прокофьева. Следует заметить, что в США хорошо знают нашего Прокофьева. Американский слушатель — доброжелательный и строгий ценитель, такой, каких я привык встречать в концертных залах Москвы, Ленинграда, Праги, Бухареста, Варшавы и многих других городов. Американцы отнеслись к моим выступлениям тепло, сердечно, а порой даже слишком восторженно. Должен признаться, что в поездке у меня была большая помеха — незнание английского языка. По счастью, музыке не нужны переводчики... После концерта обычно час или два продолжались встречи и беседы со слушателями. Были здесь поклонники Бетховена, Прокофьева, Скрябина, Дворжака, экспансивные охотники за автографами и, наконец, просто люди, которые хотели пожать нам руки...

— Вы говорите, поклонники Скрябина и Дворжака? Их сочинения входили в вашу программу?

— Да, входили. И они пользовались большим успехом. Между прочим после концерта в Монреале ко мне подошла дама, державшая в руках рукопись пятой сонаты Скрябина, только что исполненной мною в Нью-Йорке. Это было почти что чудо: в Монреале собственными глазами увидеть почерк Скрябина...

Концерт Дворжака стал событием в Филадельфии. Это была премьера для города, в котором концерт еще никогда не исполнялся, для замечательного филармонического оркестра во главе с прекрасным, чутким дирижером Орманди и, наконец, для меня...

— С какими другими оркестрами вам приходилось выступать?

— С многими и разными оркестрами и дирижерами. В Чикаго за пультом стоял Эрих Лейнсдорф. Замечательный бостонский оркестр возглавлял Мюнш. В Нью-Йорке дирижировал Бернштайн. Это — первоклассные коллективы, они объединяют замечательных музыкантов. И работать с ними большое удовольствие.

...Здесь нам придется сделать некоторое отступление. Дело в том, что американская пресса, единодушно характеризуя Рихтера как гениального пианиста, крупнейшего исполнителя современности, весьма пространно, с профессиональной серьезностью анализировала его мастерство. В множестве статей шла речь о глубочайшем проникновении Рихтера в замысел произведения, о виртуозной технике, подчиненной тонкому философскому анализу, о гигантском репертуаре и простоте исполнителя... Многие американцы отмечали, что Рихтеру сразу удавалось установить контакт с аудиторией. Как он это делает?

— Должен сознаться, что ни в одном из концертов в США мне даже не приходила в голову подобная мысль, — говорит Рихтер. — Равно, впрочем, как она не приходила ко мне и в Большом зале Московской консерватории... Стихия музыки, подчинившая тебя, не оставляет места праздным мыслям. В эти минуты забываешь все — не только зрителей, зал, но и самого себя... Тогда важно одно — идея, сформулированная композитором, как ценность, которой предстает жить в звуках. Музыка требует честного, чистого, поэтического отношения. Это, быть может, элементарное, но, с моей точки зрения, одно из самых важных отличий искусства. И строгое отношение к своему искусству сразу связывает тебя с концертным залом, да и не только с ним.

— Что вы еще имеете в виду?

— Многие факты, которыми было отмечено наше пребывание на американской земле. Вот, скажем, иду я по улицам города Феникс в штате Аризона. Экзотический одноэтажный город. Вдруг меня догоняет машина, из которой выходят две дамы. Они подходят ко мне, что-то бурно говорят и горячожимают руку. Потом я получил письмо от них. Мои новые знакомые оказались музыкантами, старшая — ученица знаменитого Энеску.

Я получил много писем от американцев. На некоторые из них ответил сразу, на остальные — отвечу из Москвы. Были в этой почте поздравления, отзывы, пожелания. Не обошлось и без сувениров. Однажды мне доставили маленькую коробку. Открываю: часы. От кого этот сувенир? Кому послать благодарность? Но, увы, нет ни письма, ни адреса...

— У нас было много волнительных встреч с американцами, и прежде всего с музыкантами, композиторами, дирижерами, артистами. Мы виделись с Ефремом Цимбалистом, Артуром Рубинштейном, Натаном Мильштейном, Исааком Стерном, Рудольфом Серкином, Ваном Клиберном, английским актером Джоном Гилгудом и даже с красавицей мадам Гишман, той самой, которую некогда запечатлел в портрете В. Серов... Это были приятные, сердечные встречи. И, конечно, мы говорили о музыке, концертах, о записях (кстати, в США я успел записать три пластинки). Все мы думали об одном — об искусстве, которое развивается в наших странах, и о мире, без которого не может быть ни искусства, ни жизни...

...Поезд уже миновал Оршу, Смоленск, приближался к Вязьме. Снега за окном становились все глубже и синее. Любуясь ими, Рихтер вспоминал Лос-Анжелос, в котором нет пешеходов и улицы залиты

холодным потоком машин («должен признаться, я не люблю улицу без людей и не понимаю в этом красоты»), весело рассказывал о том, как американцы потчевали его отлично приготовленными устрицами и даже... морскими ежами. Открыто сокрушался, что он не смог в Америке побывать почти ни в одном концерте («Поверьте, почти ни в одном. Это очень обидно, но что поделаешь, если все вечера были заняты!») И все время смотрел в окно, словно собирался зарисовать этот хорошо знакомый пейзаж.

— А рисовать в турне вам удавалось?

— Рисовать?! Что вы! Это слишком громко сказано... Я действительно в свое время увлекался живописью, но скорее это был отдых среди занятий музыкой — разрядка. Сейчас я не могу к этому так относиться. Как и всякое другое искусство, живопись требует труда и полной отдачи. Нужно время. А его у меня нет: музыка забирает все. Мне хочется писать, но не так, чтобы повторять свои прежние опыты. А как — это могла бы решить только работа... Раньше я писал пейзажи, которые врезались мне в память своим цветовым состоянием и настроением. Проходило много времени, прежде чем мне хотелось выразить это впечатление. Меня подталкивало запомнившееся настроение. Оно увлекало меня. Вот так я, собственно, пробовал писать.

— А музыку вы так же сочиняете?

— Музыку? Сочинял в двадцать два года и бросил. Я подчинил себя верному в отношении самого себя правилу. Смысл его прост: хорошей музыки создано так много, что и трех жизней не хватит, чтобы переиграть ее всю. Плохой музыки — увы! — тоже немало. А мне определенно доставляет большее удовольствие иметь дело с хорошей музыкой. Лучше разучивать и исполнять большую музыку, чем увеличивать горы посредственных сочинений. Так я решил и пока не передумал.

...Могучий советский художник покорило сердце американского народа. Прав-

Святослав Рихтер после концерта в «Карнеги Холл» (Нью-Йорк). Декабрь 1960 г.

да, уставший музыкант сейчас вовсе не думает об этом. Он просто отдыхает, смотрит в окно и говорит:

— Скоро будем дома...

И в самом деле, вскоре из январской туманной просини появились сияющие огни Москвы. Рихтер наскоро надел пальто, свой легонький черный берет и заторопился к выходу, говоря:

— Белорусский вокзал! Приехали!

Н. МАР,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

БРЕСТ—МОСКВА